

В. И. АБАЕВ

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ИРАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

(Очерки по истории изучения иранских языков. М., 1962)

Сравнительно-историческое иранское языкознание, как часть индоевропейского сравнительного языкознания, твердо стало на ноги во второй половине XIX в. в результате крупных успехов, достигнутых в изучении древних иранских языков – авестийского и древнеперсидского, а также средне- и новоиранских языков.

Следует отметить, что одно из первых полных изданий древнеперсидских текстов было осуществлено в Петербурге К. Коссовичем: С. Kossowicz. *Inscriptiones Palaeo-Persicae Achaemenidarum. Petropoli, 1872.*

Издание Коссовича было единственным, где полностью воспроизводился оригинальный клинописный текст. В нем были даны также транслитерация, латинский перевод и словарь. Преимуществом этого издания были, кроме того, многочисленные, хорошо выполненные снимки.

К. Коссович издал также некоторые важные авестийские тексты: «Gatha ahunavaiti Sarathustrica carmina septem latine vertit et explicavit С. Kossowicz». Petropoli, 1867; «Gatha ustavaiti...». Petropoli, 1869; «Sarathhu-stricae gathae posteriores tres latine vertit et explicavit С. Kossowicz». Petropoli, 1871.

К концу XIX в. накопленный материал по древним, средним и новым иранским языкам был уже настолько значителен, что позволил приступить к созданию коллективного сводного труда по иранской филологии с привлечением специалистов из разных стран. Это мероприятие было успешно осуществлено в Страсбурге в виде двухтомного «Grundriss der iranischen Philologie» (1895–1904). Русская наука к тому времени выдвинула двух выдающихся иранистов, стоявших полностью на уровне сравнительно-исторического языкознания своей эпохи: профессора Петербургского университета К. Г. Залемана (1849–1916) и профессора Московского университета В. Ф. Миллера (1848–1913). Без их участия не

мог бы быть создан такой большой сводный труд, как упомянутый «Grundriss». Два чрезвычайно важных и ответственных раздела в этом труде были поручены русским ученым: раздел среднеперсидского языка – К. Г. Залеману, раздел осетинского языка – В. Ф. Миллеру. Написанные ими работы для «Grundriss» обладают выдающимися достоинствами и не потеряли своего значения до настоящего времени. Оба автора имели широкую подготовку в области сравнительного индоевропейского языкознания и прекрасно владели сравнительно-историческим методом.

Заслуга К. Г. Залемана не ограничивалась тем, что он явился автором статьи о среднеперсидском языке: Залеман представил в распоряжение редактора В. Гейгера свои материалы по малоизученным живым иранским языкам. Эти материалы Гейгер широко использовал в разделе «Kleinere Dialekte und Dialektgruppen»¹.

Само собой разумеется, вклад русских ученых в сравнительную иранскую филологию не исчерпывается участием в «Grundriss». И до этого труда и позднее русские ученые опубликовали ряд исследований, которые содействовали уяснению исторического развития как иранских языков в целом, так и отдельных представителей этой интереснейшей группы языков.

Здесь приходится учитывать не только работы, специально посвященные сравнительному изучению иранских языков, но и такие, в которых авторы, не ставя перед собой широких сравнительных задач, придерживались тем не менее сравнительно-исторической точки зрения и разрабатывали материалы, существенно важные для воспроизведения общей картины истории иранских языков и их взаимоотношений.

Особо важное значение имели материалы и исследования по древним и средним иранским языкам.

Большой научный интерес представляют исследования В. Ф. Миллера об иранском характере языка скифов и сарматов, населявших в древности юг России². Этими исследованиями было установлено существование особой, скифо-сарматской ветви иранских языков, единственным сохранившимся представителем которой является осетинский язык.

Признанным, мировым авторитетом по среднеиранским языкам был К. Г. Залеман. О его классической работе по среднеперсидскому (пехле-

¹ «Herr Akademiker Salemann, – пишет Гейгер, – hat mir nicht nur gedruckte Materialien, welche nie zur Ausgabe gelangt sind, zugänglich gemacht, sondern mir auch wichtige, von ihm selbst angelegte Sammlungen in selbstlosester Weise zu freier Benutzung überlassen» («Grundriss der iranischen Philologie», Bd I, Abt. 2. Strassburg. 1895, S. 287).

² В. Ф. МИЛЛЕР. Эпиграфические следы иранства на юге России. – «Журнал Министерства народного просвещения», 1886, октябрь.

вийскому) языку мы уже говорили. Когда в начале XX столетия в Китайском Туркестане были найдены новые материалы по среднеиранским языкам, К. Г. Залеман посвятил им серию исследований под общим названием «Manichaica» («Заметки по манихейской письменности», I–V). Вновь обнаруженные тексты были двоякого характера: язык одних был близок к уже известным памятникам среднеперсидского (пехлевийского) языка; языком других был неизвестный дотоле среднеиранский язык, относящийся не к западной, как среднеперсидский, а к восточной группе иранских языков, именно *согдийский*.

В первой группе памятников К. Г. Залеман обнаружил две формы западноиранской речи. Изданные им тексты были снабжены словарем и грамматическим разбором. Он окончательно установил, что встречающиеся в них семитические криптограммы следует расшифровывать иранскими словами.

Исключительную ценность представляли для своего времени работы К. Г. Залемана по согдийскому языку: «Manichaica», II (ИАН, 1907. С. 531–558), «Manichaica», V (ИАН, 1913. С. 1125–1144). В них были заложены основы согдийской грамматики, впоследствии разработанной Готьё, Бенвенистом и другими учеными. Высказанную немецким иранистом Андреасом догадку о близком родстве ягнобского языка, одного из живых среднеазиатских иранских языков, с согдийским, К. Г. Залеман обосновал рядом согдийско-ягнобских параллелей, используя собственные материалы по ягнобскому языку. Во многом содействовал Залеман французскому иранисту Роберту Готьё в его исследованиях по согдийскому языку, в частности при составлении им «Essai de grammaire Sogdienne» (1914–1923)³.

В советское время изучением согдийского языка занимались ленинградские иранисты Ф. А. Розенберг и А. А. Фрейман.

Ф. А. Розенберг (1867–1934), член-корреспондент Академии наук СССР, долгие годы хранитель бывш. Азиатского музея Академии наук, был, бесспорно, одним из лучших знатоков согдийского языка, как об этом свидетельствуют изданные им с переводом и лексико-

³ В предисловии к последней работа Готьё пишет: «M. Salemann a fait preuve de la plus grande bienveillance pour mes travaux de déchiffrement et en particulier pour cet essai: non seulement j'ai eu par lui communication de fragments en sogdien conservés à Saint-Petersbourg, mais je lui dois tout le matériel yagnobi, pur la plus grande partie inédit, qui figure dans ce livre, et qui a permis de suivre jusqu'à l'époque actuelle le développement du sogdien» (R. GAUTHIOT. Essai de grammaire Sogdienne, p. XVIII).

грамматическими комментариями согдийские тексты⁴ и несколько исследований: «О показателях множественности в языках согдийской группы»⁵, «Согдийские заметки»⁶, «О согдийских старых письмах»⁷, «Sogdica»⁸ и др.

Профессор А. А. Фрейман, член-корреспондент Академии наук СССР, известен работами по пехлевийскому⁹, согдийскому¹⁰, хорезмийскому¹¹ языкам. По двум последним языкам А. А. Фрейман ввел в научный оборот новые материалы: по согдийскому – документы, обнаруженные в 1933 г. в Таджикистане на горе Муг, представляющие остатки архива согдийского правителя VIII в. Деваштича; по хорезмийскому – хорезмийские глоссы из сочинения одного хорезмийского законоведа XIII в. (рукопись найдена в Астрахани). Содержащийся в последнем документе хорезмийский материал включает формулы брака, развода, клятвы, небольшие диалоги, в общем около 3000 хорезмийских слов. По объему и значению это намного превосходит все, что было известно по хорезмийскому языку прежде.

Из работ А. А. Фреймана, имеющих более широкий сравнительный характер, следует отметить «Ирано-славянские заметки»¹².

В советское время продолжались также начатые В. Ф. Миллером изыскания по языку скифов и сарматов (см.: В. И. АБАЕВ. Скифский язык. – Сб. «Осетинский язык и фольклор», I, 1949. С. 147–244).

Полезные работы сравнительно-иранистического характера дали Б. В. Миллер («Показатель множественности *an* в иранских языках»¹³ и

⁴ «Известия АН», 1918. С. 817–842; «Известия АН СССР», 1927. С. 1375–1398 и др.

⁵ «Яфетический сборник», II, 1928.

⁶ «Известия АН СССР», 1931. С. 627–635.

⁷ Там же, 1932.

⁸ В сборнике, посвященном Бодуэну де Куртене (Краков, 1921. С. 94 и сл.).

⁹ Издание текста: «Pand-namak i Zaratusht» – «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes», 1906; «Заметки по пехлевийской лексикографии». – «Известия АН», 1918. С. 881 и сл.; «Среднеперсидский язык и его место среди иранских языков». – «Сборник Ленинградского ин-та живых восточных языков», 1927, и др.

¹⁰ «Согдийский сборник АН СССР», 1934; «Вестник древней истории», 1938, № 2. С. 34–42; 1939, № 4. С. 124; 1940, № 1. С. 99–101 и др.

¹¹ А. А. ФРЕЙМАН. Хорезмийский язык, М., 1951,

¹² «Доклады Академии наук». Серия В. Л., 1924. С. 47 и сл. – До революции изучением славяно-иранских отношений занимался у нас также Л. Мсерианц («Русский филолог, вестник», 1911, кн. 1).

¹³ «Сборник памяти Н. Я. Марра». М., 1938.

др.), Л. А. Хетагуров («Категория рода в иранских языках»¹⁴), С. И. Климчицкий («Ягнобско-согдийские соответствия»¹⁵).

В настоящем кратком обзоре мы остановились на тех работах, которые касаются древних и средних иранских языков и носят сравнительный характер. Но этим не исчерпывается, разумеется, вклад наших ученых, русских и советских иранистов, в сравнительно-историческое изучение иранских языков. Не менее важное значение имели для общей и исторической иранистики исследования и материалы по отдельным живым иранским языкам, где так много сделано нашими учеными. Об этих работах читатель может узнать в очерках, посвященных истории изучения отдельных иранских языков: таджикского, персидского, курдского, осетинского, памирских и др.

¹⁴ «Ученые записки Ленингр. гос. ун-та», 1939, № 20.

¹⁵ «Записки Ин-та востоковедения АН СССР», вып. VI, М., 1937.